

**«ДУХ АССОЦИАЦИИ»
(ИЗ ИСТОРИИ ЭКЛЕКТИЗМА В ЭКОНОМИКЕ)**

Эклектизм — это методологическая установка, согласно которой выгоды от соединения генетически разнородных культурных элементов (доктрин, художествен-

ных образов) всегда превышают издержки, связанные с нарушением «естественных» семантических структур. Роль, которую эклектизм сыграл в истории экономики, остается в основном неисследованной. Со стороны экономистов, традиционно высоко ценящих логическую последовательность, эклектизм подвергался критике, но звучали и похвалы. В пользу эклектизма выдвигались этические, а также методологические аргументы. Успеху эклектизма в экономике особенно способствовали «пост-модернистские» тенденции последнего времени. Экономический эклектизм был весьма популярен в эпоху Романтизма. Некоторые экономисты идентифицировали себя в качестве эклектиков. Эклектизм, как считалось, умерил претензии абсолютных теорий века Просвещения. В экономическом эклектизме XIX века сказалось влияние философии Виктора Кузена, но он отразил и общий дух историзма, свойственный эпохе. Эклектизм был воспринят некоторыми русскими экономистами, в особенности Николаем Полевым, которого можно рассматривать как основателя русской эклектической «школы».

Проблема эклектизма. «Эклектизм — это ошибка метода», — сказано в энциклопедии Иоанна Павла II «Вера и разум» (1998)¹. Оставляя на время в стороне нормативную часть этого определения, отметим точность его позитивной части. Эклектизм — это, действительно, методологическая установка (на что редко указывают словари и энциклопедии). Ее, на наш взгляд, можно сформулировать следующим образом: выгоды (утилитарные, эстетические) от соединения генетически разнородных культурных элементов (доктрин, художественных образов) *всегда* превышают издержки, связанные с нарушением «естественных» для данных элементов семантических структур. Последние, таким образом, можно свободно отбирать, вырывая из «контекста»² Следует только стремиться к тому, чтобы выгоды были максимальны.

Эклектизм в широком смысле существовал всегда. Примитивную его форму можно увидеть, например, в свойственной раннему средневековью практике приспособления предметов античности к утилитарным нуждам нового, «варварского», поколения³. Рафинированные формы эклектизма требуют высокой эстетической, философской и научной образованности; примером могут послужить рассуждения классика эстетики лорда Кемса о том, какая руина более уместна в парке эпохи Просвещения — готическая или греческая⁴.

Образованность далеко не всегда оказывалась на стороне эклектизма, он нередко становился мишенью для интеллектуальной критики. Бытование выражений типа «эклектическая смесь» указывает на, пожалуй, не слишком почетное место эклектики в культуре двадцатого столетия. Послание Иоанна Павла II содержит, вероятно, наиболее авторитетную на данный момент критику эклектизма. Эклектики, указывает папа, «рискуют оказаться не в состоянии отделить частицу истины, содержащуюся в данном учении, от тех его элементов, которые, возможно, ошибочны или непригодны для достижения поставленной цели»⁵.

Однако историкам культуры известны эпохи, когда эклектизм становился поистине духом времени. Подобный эклектический ренессанс наблюдался, в частности, в век Романтизма. Теперь, когда романтическое увлечение эклектикой отодвинулось от нас на столетие и более, историки начинают проявлять к этому феномену возрастающий интерес. Традиционные интерпретации пересматриваются. На наших глазах происходит, можно сказать, открытие эклектизма заново⁶.

Между тем практически неисследованной остается роль, которую эклектизм сыграл в истории экономической науки. Настоящая работа претендует на эскизное освещение некоторых аспектов этой интересной проблемы.

Экономисты критикуют эклектизм. От экономистов можно было бы ожидать «инстинктивной» симпатии к эклектизму в свете их интереса к такой форме человеческого поведения, как выбор. Номоэкономический, центральный персонаж стандартной экономической теории, именно тем и занят, что составляет оптимальные комбинации разнородных элементов (ресурсов, благ). Однако экономисты традиционно высоко ценят в теоретических построениях логическую стройность и последовательность, и в их среде сильны позиции методологических пуристов, сознательно не приемлющих эклектику.

Можно выделить три варианта критики в адрес эклектизма со стороны экономистов.

1. *Идеологическая критика.* Название для данного варианта критики подсказано одним из практиковавших его авторов — австрийским экономистом прошлого столетия Людвигом фон Мизесом. Мизес активно использует слово «идеология» в том первоначальном смысле (набор идей, «наука об идеях»), который вкладывал в него в начале XIX века А. Л. К. Дестютт де Траси, создатель этого термина. «Идеологии, принимаемые общественным мнением, ...являются в основном эклектическим совмещением идей, совершенно несовместимых одна с другой», — полагает Мизес. «Некоторые авторы, — продолжает он, — пытаются оправдывать противоречия принимаемых публичной идеологией, указывая на мнимые достоинства компромисса, как бы ни был он неудовлетворителен с логической точки зрения, в плане гладкого функционирования отношений между людьми. Они ссылаются на популярную иллюзию, будто жизнь и реальность «лишены логики»; они настаивают, что противоречивая система способна продемонстрировать свою целесообразность или даже истинность, удовлетворительно функционируя там, где логически последовательная система привела бы к катастрофе». Мизес убежден, что именно экономисты призваны

противостоять этой иррациональной иллюзии. «Идеологическая непоследовательность не способна обеспечить удовлетворительное, то есть действенное, решение для проблем реального мира. (...) Главной целью прагматологии и экономической науки является замена противоречивых догматов популярного эклектизма последовательными корректными идеологиями»⁷.

2. *«Понимающая» критика.* Критика этого типа не сводится к априорному запрету на эклектику, но готова признать факты, когда сами экономисты используют эклектизм, и стремится дать этим фактам объяснение. Такова критика эклектизма другим австрийским экономистом, Ойгеном фон Бём-Баверком, который в конце позапрошлого века весьма обстоятельно исследовал эклектические теории капитала и процента.

«Авторы, которые не могли ни составить теорию самостоятельно, ни определенно остановиться на одной из уже имеющихся, — пишет Бём-Баверк, — выбирали из двух, трех или большего количества теорий части, которые их удовлетворяли, и свивали их в целое, как правило, плохо соединенное. Либо, даже не пытаясь добиться видимости целого, они в ходе своих рассуждений опирались иногда на одну, иногда на другую теорию, более пригодную для целей, которые они в данный момент ставили перед собой.

«Это не означает, что эклектизм, противоречащий кардинальному долгу теории, логической последовательности, неизбежно указывает на недостаточно высокий уровень теоретического мастерства. Здесь... среди многих второстепенных по значению авторов мы встречаем несколько писателей первого ранга (Бём-Баверк называет, в частности, Пеллегрини Росси и Уильяма Стенли Джевонса. — Ю. Т.). Этому не следует удивляться. Развитие теории (процента. — Ю. Т.) было столь своеобразным, что соблазн стать эклектиком, в особенности для способных

авторов, оказался почти непреодолим. Существовало столько разнородных теорий, что можно простить того, кто решил, что новых теорий уже не может быть. Правда, критический ум не мог признать ни одну из них вполне удовлетворительной. Но нельзя было игнорировать и тот факт, что в каждой содержалась хотя бы доля истины». Однако «собранные таким образом фрагменты истины оставались в руках эклектиков лишь фрагментами, которые упирались друг в друга своими острыми краями, упорно сопротивляясь всем попыткам создать из них однородное целое»⁸.

В той же традиции научно аргументированного обсуждения выдержана критика эклектизма у чикагского экономиста Фрэнка Найта (1921). Как и Бём-Баверк, Найт рассматривает эклектическую теорию процента (в частности, Альфреда Маршалла), которая, по его мнению, неспособна объяснить подлинный смысл равновесия между сбережением и инвестированием⁹.

3. Конструктивная критика. Третий вариант критики эклектизма мы встречаем в первой половине XIX века, в частности, у французского историка экономической науки Адольфа Бланки. Эклектизм как таковой для Бланки не является пороком. Экономисты-эклектики заслуживают критики только за недостаточное желание предлагать практические рецепты. «При настоящем порядке вещей, — утверждает Бланки, — эклектическая политическая экономия есть не более чем наука наблюдения, в то время как ход событий требует политической экономии действия»¹⁰.

Экономисты защищают эклектизм. Бланки писал в эпоху эклектического ренессанса, о которой следует поговорить особо. Однако во все времена находились экономисты, готовые выступить в защиту эклектизма. Аргументация «за» распадается на две группы.

1. *Аргументы от этики.* Показательно, что два выдающихся экономиста — Адам

Смит и Пол Э. Сэмюэлсон — с интервалом почти в два с половиной столетия подчеркнули одну и ту же привлекательную черту (добродетель) эклектизма — дух доброй воли, уважения к другим людям и их мнениям.

Упомянув об эклектиках, автор «Теории нравственных чувств» и «Богатства народов» разумел античную этическую школу, образованную в I веке от Р. Х. при участии главным образом стоиков. «Система, согласно которой добродетель состоит в благоволении, пусть, как я полагаю, и не столь древняя, как все те, которые мною уже описаны, тем не менее, относится к очень большой древности. Она, по-видимому, была доктриной большинства философов, которые около века Августа и вслед за тем называли себя эклектиками, которые утверждали, что в основном следуют мнениям Платона и Пифагора и которые по этой причине обычно известны под именем поздних платоников», — указывал Смит¹¹. Из всех последующих приверженцев данной системы, писал он далее, величайшим был его собственный учитель — Фрэнсис Хатчесон. По оценке Смита, «искреннее благоволение — самое достойное и прекрасное из всех движений души»¹².

Прославленный неоклассический теоретик Пол Сэмюэлсон, выступая с лекцией по случаю несколько неожиданного вручения ему премии им. Дж. Коммонса, экономиста совершенно иного, нежели лауреат, направления, не стал скрывать своих расхождений с институциональной школой Коммонса. Но при этом он сказал: «Я пришел сегодня сюда не для того, чтобы похоронить институционализм или раскритиковать его. Я полагаю, что он продолжает существовать как живой элемент современной ортодоксальной (mainstream) экономики. (...) Я горжусь тем, что приобрел хотя бы периферийное отношение к американской институциональной экономике — силе, которая выстоит и расцветет в наступающем веке»¹³. Лекция Сэмюэлсона была озаглавлена

«Золотая добродетель эклектизма в экономике».

2. *Аргументы от экономической методологии.* Наиболее интересны, разумеется, методологические аргументы экономистов в пользу эклектизма. Чаще всего они сформулированы как аргументы в пользу методологического плюрализма. В широко известной статье экологический экономист Ричард Норгаард предложил плюрализм как альтернативу позитивизму, наивно допускающему независимое от нормативных оценок знание объективной экономической реальности¹⁴. В 1994 году в университете Бергамо (Италия) состоялась конференция, специально посвященная плюрализму в экономике. Целый ряд видных экономистов высказал свои симпатии к методологическому плюрализму в вышедшем через три года сборнике докладов¹⁵.

Отказу от методологического пуризма способствуют «постмодернистские» тенденции в современной культуре в целом и в экономической науке в частности. Данное явление констатирует (надо сказать, с тревогой) известный английский историк экономической мысли Марк Блауг: «Постмодернизм в экономике принимает много форм, но он всегда начинается с осмеяния научных претензий экономики, с холодного душа, призванного остудить веру в существование «там, снаружи», объективной экономической системы, относительно которой мы можем оценивать способность экономической теории давать объяснения, с глумления над мыслью, будто экономисты способны делать точные предсказания экономических событий, и с отрицания, что существует какая-либо иная основа для выбора между конкурирующими экономическими теориями, кроме личных предпочтений (курсив мой — Ю. Т.)»¹⁶. Согласно Блаугу, любые варианты постмодернистской аргументации сводятся к позиции «все сойдет».

Раздраженная риторика, к которой прибегает авторитетный автор¹⁷, сама по

себе служит указанием на масштабность явления.

Вероятно, далеко не все «постмодернисты», критикуемые Блаугом, согласятся с тем, что они в той или иной степени эклектики. Но можно привести примеры и явного, сознательного эклектизма в современной экономической науке. Укажем на популярную теорию иностранных инвестиций Дж. Даннинга (Редингский университет, Великобритания), известную как OLI, объясняющую поведение инвестора тремя разнородными причинами (собственностью, местоположением, интернационализацией), и которую сам автор на протяжении двух десятилетий настойчиво называет эклектической теорией, или эклектической парадигмой¹⁸.

Экономический эклектизм XIX столетия. Экономический эклектизм был типичным явлением в эпоху Романтизма. На Пиренеях самоидентификация экономистов как эклектиков стала своеобразной модой. Так, ведущий испанский экономист первой половины XIX века Альваро Флорес Эстрада выпустил «Курс эклектической политической экономии» (*Cours ŷclectique d'ŷconomie politique...* Paris, 1833), а каталонец Мануэль Колмейро — «Элементарный трактат эклектической политической экономии» (*Tratado elemental de economia politica eclectica*. Madrid, 1845). Сознательным эклектиком (не использовавшим, однако, этот термин) был их современник португалец Франсишку Констансиу. Согласно его определению, «политическая экономия не есть наука, состоящая из абстракций, но скорее практическая наука, принципы которой нельзя оценивать по абсолютной шкале, а лишь сравнивая положение одной страны с положением другой»¹⁹. Отсюда неизбежность *избирательного* подхода к бытующим в мировой экономической науке идеям.

Эту позицию разделяло большинство континентальных экономистов, и она не была чужда их британским коллегам.

Первым эклектическую школу в экономической науке идентифицировал А. Бланки, посвятивший ей отдельную главу в своем двухтомном курсе истории политической экономии (1837). В понимании Бланки экономический эклектизм тождествен признанию исторической и географической относительности экономических истин. Эклектики, с несомненным сочувствием отмечает историк, «смягчили притязания абсолютных теорий»²⁰, которых придерживались основатели экономической науки, создатели знаменитых трактатов. Эклектики пересмотрели эти теории в свете фактов и опыта и, таким образом, добились «соглашения (transaction) принципов и фактов»²¹.

В «первый ряд» эклектиков Бланки поместил Генриха фон Шторха, исследователя экономики рабства в России. Германо-русский ученый преподавал политическую экономию великим князьям Николаю (позднее императору Николаю I) и Михаилу Павловичам; этот курс был им опубликован на французском языке в Петербурге в 1815 году (H. Storch, *Cours d'Economie politique, ou Exposition des Principes qui determinent la prosperit  des Nations*. Tomes I-VI. St.-Petersbourg, 1815) и позднее издан с комментариями Жана-Батиста Сэя в Париже. Другие «главные представители» экономического эклектизма, на которых указывает Бланки, — французы Шарль Ганиль, экономист Империи, и Александр де Лаборд, экономист посленаполеоновского времени, а также упомянутый нами выше испанец Флорес Эстрада.

Особое восхищение Бланки вызывает книга де Лаборда «О духе ассоциации» (*De l'esprit d'association dans tous les interets de la communaut ...* Paris, 1818), посвященная развитию институтов, благоприятствующих торговле. «Вероятно, никогда еще, — утверждает (не без преувеличения) историк, — экономическая доктрина не была в такой высокой степе-

ни... санкционирована опытом и жизнью»²².

Как мы теперь знаем, попытки «соглашения принципов и фактов» в XIX веке имели ограниченный успех, и экономическая наука соскользнула в *Methodenstreit*, войну методов между теоретическим и историко-эмпирическим направлениями.

«Мы обязаны быть эклектиками». Обращает на себя внимание тот факт, что энтузиазм экономистов в отношении эклектизма был характерен в первую очередь для романских стран, в особенности для Франции. Это можно объяснить долговременным влиянием Виктора Кузена, философа, предпринявшего крупнейшую в истории попытку обоснования эклектизма как системы.

В прославленных лекциях «Об истине, красоте и благе» (*Du vrai, du beau et du bien*), впервые читанных в 1817 году, Кузен говорил о том, что истинное любопытство состоит в том, чтобы сближать и мирить, о духе времени, который требует ничего не отвергать без причины, все принимать с пониманием. Лекции Кузена стали первостепенным событием в интеллектуальной и политической жизни Франции. С начала 1830-х годов эклектизм приобрел во Франции характер почти официальной философии. За пределами романского мира отношение к идеям Кузена было несколько более противоречивым. Здесь Кузен и его последователи были также широко критикуемы и даже становились объектом сатиры — например, в гоголевской «Женитьбе» (1833)²³. П. Я. Чаадаев в язвительных тонах пишет об эклектизме, «который так благодушен и льстив, что, кажется, только и помышляет о самоупраждении...»²⁴. Излюбленный эпитет недоброжелательных критиков — «мелкий». Так, в 1833 году Н. И. Надеждин пренебрежительно отзывается о «мелком, крохоборном эклектизме, проповедуемом теперь во Франции для ума и воли»²⁵. О «мелком (shallow)

эkleктизме Кузена» упоминает в 1888 году английский историк экономической мысли Дж. К. Ингрэм²⁶.

Независимо от отношения именно к Кузену, все ведущие представители европейской и американской мысли XIX века (включая и вторую его половину) разделяли мысль о необходимости интеграции элементов культуры, оставшихся в наследство от средневековья, гуманизма и Просвещения, объединения идеализма Востока и материализма Запада. Эпоха была отмечена верой в прогресс и одновременно обостренным интересом к прошлому (а также ко всему далекому и экзотическому). Все прошедшее рассматривалось как необходимая ступень на целенаправленном пути человечества. «Мы обязаны быть эклектиками, — писал в 1836 году Орестес Браунсон, в то время главный проповедник философии Кузена в США, — не исключая ни одного элемента человечества, но принимая и переплавляя все в одну обширную систему, которая будет истинной представительницей человечества, насколько ему удалось развиваться. Мы должны занять широкую и свободную позицию, ожидать истину и находить ее во всех школах, во всех верах, во всех странах. Великая миссия нашего века состоит в том, чтобы объединить бесконечное и конечное. (...) Мы, люди девятнадцатого века, явились в этот мир как посредники»²⁷. Историзм был свойствен и эклектикам, и тем, кто не причислял себя к таковым. Типично в этом смысле суждение Чаадаева о том, что «современное направление человеческого разума явно стремится облечь всякое знание в историческую форму. (...) Пора признать, что та сила, которую человеческий разум находит в узких пределах настоящего, не составляет всего его содержания, что в нем имеется еще и другая сила, которая, объединяя в одной мысли и времена протекшие, и времена обетованные, выражает подлинное существо разума и ставит его в действительно принадлежащую ему сферу деятельно-

сти»²⁸. А. А. Краевский (критически относившийся к Кузену) писал, что именно история становится наукою наук. «Сама Философия ... покорила этому влиянию: новейшее выражение ее во Франции — Эклектизм — живет только Историею, из нее почерпает свои догматы, говорит ее фактами. Ученая Европа отказывается уже от заоблачных теорий своих и ищет для мысли своей корня в почве положительного, которую всегда с готовностью предоставляет ей История»²⁹.

Русская эклектическая «школа». В рамках постановки проблемы об экономическом эклектизме следует сказать несколько слов о русской эклектической «школе». Кавычки здесь используются потому, что речь не идет ни об организованной группе, ни о непрерывном наследовании и накоплении комплекса идей. Сам состав «школы» требует дополнительного исследования³⁰. Правоммерно, однако, говорить о русских ученых, стремившихся понять или переосмыслить экономику на основе «истины, красоты и блага», более настроенных на то, чтобы «сближать и мирить», нежели отвергать. «Школа» ушла в прошлое вместе с историческим умонастроением, вызвавшим ее к жизни.

Роль основателя «школы» у академика Шторха может оспорить экономист, гораздо более известный как журналист, писатель, критик и историк, — Николай Алексеевич Полевой, издатель знаменитого «Московского телеграфа» и автор «Истории русского народа» (1829). В 1820-х — 1830-х годах в «Телеграфе» Полевой поместил значительное число переводов западных экономистов и философов (в частности, переводы двух лекций Кузена), обзоры экономических новостей Запада и России и, наконец, «собственные наблюдения, плоды занятий наукою важною и благодетельною»³¹, то есть политической экономией.

Согласно Кузену — Полевому, «Промышленность... есть торжество человека

над природою; она пред изобретательностью ума стала бессильною и преобразилась: это творение нового мира, не имеющее никаких пределов, кроме могущества мысли; конец сего творения можно себе представить только в совершенном превращении природы в человечество. Подробности сего рассматривает Политическая Экономия; она следует за успехами промышленности, нераздельными с успехами наук Физико-Математических»³².

Не без влияния как Кузена, так и Шторха (автора теории «причин цивилизации», или «внутренних благ», — того, что современные экономисты называют человеческим капиталом), Полевой развивает теорию относительно «вещественности» и «духовности» и их роли в экономическом процессе. При этом получают объяснение свойственные экономической жизни разнообразие и относительность.

«Вещественность, — пишет Полевой, — отражается в каждом человеке вполне, а духовность отражается вполне только в целом человечестве: то как для чувствования вещественного каждый человек снабжен полным многообразием органов, так для чувствования духовного каждый человек должен быть одним из частных органов, составляющих полноту из сего многообразия, только в целом человечестве, и поелику дух проявляет себя в своем развитии самостоятельно для каждого частного, то сие развитие его, или сия победа над вещественностью, долженствуя совершиться в пространстве и времени, должна явиться *в величайшем многообразии* (выделено мной — Ю. Т.)»³³.

В июле 1828 года Полевой решил выступить с «Речью о невещественном

капитале» в Московской практической коммерческой академии, в совет которой был избран. Этому выступлению предшествовала полемика в печати (и, к сожалению, не документированные устные дискуссии) с другим экономистом-любителем — Николаем Демидовым, автором альтернативной теории нематериального капитала.

Вполне в духе «политической экономики действия» Полевой заявил, что все звания, все состояния должны быть просвещены и образованны. «Все до единого, ибо все они производители капиталов, граждане общества, все они люди, образ и подобие Бога, братья наши». Вещественное богатство «производится умом, ум образуется просвещением». Все люди производители счастья, для которого производства, вещественные и невещественные, только средства³⁴. «Нет бытия единого в мире, которое в цепи творений было бы бесполезно. Каждый из нас есть звено в бесконечной цепи сей, в каждом из нас отражается стремление, составляющее жизнь человечества, как отражается солнце в зеркале вод, составленном из бесконечных капель: в сих каплях собственно отражаются лучи света, хотя, кажется, блистают они на одной зыбкой поверхности»³⁵.

Фундаментально эклектичный взгляд Полевого на историю как на постепенное, в частности и многообразие, проявление «общей идеи человечества» находит в начале XX века отзвук у С. Н. Булгакова, которого можно рассматривать как последнего в ряду русских экономистов-эклектиков³⁶. Подобно Полевому, Булгаков знал, что существует «поэзия политической экономии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fides et Ratio: 86. (Здесь и далее энциклика цитируется в переводе с опубликованного Ватиканом английского варианта текста.)

² Отсюда сам термин «эклектизм» (греч. εκ λεγειν — выбирать, отбирать; лат. eligere).

- ³ Об этой практике см.: Constable G. A Living Past: The Historical Environment of the Middle Ages // Harvard Library Bulletin, New Series 1. 3 (Fall 1990). P. 57–58.
- ⁴ Home H. (Lord Kames). Elements of Criticism. Edinburgh and London, 1774. Vol 2. P. 446–447.
- ⁵ Fides et Ratio: 86.
- ⁶ См.: Schneider U. J. Eclecticism Rediscovered // Journal of the History of Ideas, 59. 1 (1998). P. 173–182.
- ⁷ L. von Mises. Human Action: A Treatise on Economics. Chicago, 1966. P. 184–185.
- ⁸ Цитируется по английскому переводу E. von Bûhm-Bawerk. Capital and Interest: A Critical History of Economic Theory. New York, 1957. P. 395–396.
- ⁹ Knight F. Risk, Uncertainty and Profit. Chicago, 1971. P. 164–165.
- ¹⁰ Blanqui A. Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'au nos jours. Paris, 1837. Т. II. P. 302.
- ¹¹ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. London and Edinburgh, 1774. P. 359.
- ¹² Ibid. P. 361.
- ¹³ Samuelson P. A. The Golden Virtue of Eclecticism in Economics // The American Economist, 44.1 (Spring 2000). P. 4.
- ¹⁴ Norgaard R. B. The Case for Methodological Pluralism // Ecological Economics, 1(1989). P. 37–57.
- ¹⁵ Pluralism in Economics: New Perspectives in History and Methodology. Ed. Andrea Salanti, Emesto Screpanti. Cheltenham, 1997.
- ¹⁶ Blaug M. Disturbing Currents in Modern Economics // Challenge, May — June 1998. P. 11.
- ¹⁷ По нашей классификации, Блауг является «идеологическим критиком».
- ¹⁸ См.: Dunning J. H. The Globalisation of Business: The Challenge for the 90's. London, 1993, passim.
- ¹⁹ Цит. по: Cardoso H. L. The Road to Heterodoxy: F. S. Constâncio and the Critical Acceptance of Classical Political Economy // History of Political Economy, 31.3 (1999). P. 487.
- ²⁰ Blanqui A. Op. cit., t. II. P. 289.
- ²¹ Ibid. P. 297.
- ²² Ibid.
- ²³ А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Право, такое затруднение — выбор! (...) Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, как у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась. А теперь поди, подумай! Просто, голова даже стала болеть. (Гоголь Н. В. Сочинения. СПб., 1900. Т. IV. С. 98.)
- ²⁴ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 380.
- ²⁵ Надеждин Н. И. Сочинения. СПб., 2000. С. 343.
- ²⁶ Ingram J. K. A History of Political Economy. New York, 1967. P. 213.
- ²⁷ Цит. по: Miller P. The Transcendentalists: An Anthology. Cambridge, Ma., 1950. P. 114.
- ²⁸ Чаадаев П. Я. Цит. соч. С. 392–393.
- ²⁹ «Журнал министерства народного просвещения». Ч. X (1836). С. 409–410.
- ³⁰ Попытку пополнить русскими именами эклектическую школу, выделенную Бланки, предпринимал И. В. Вернадский (см. его «Очерк истории политической экономии». СПб., 1858).
- ³¹ «Московский телеграф». Ч. XIII (1827). С. 121.
- ³² «Московский телеграф». Ч. XXVII (1829). С. 157–158.
- ³³ «Московский телеграф». Ч. VIII (1826). С. 318.
- ³⁴ Полевой Н. А. Речь о невещественном капитале (capial immatériel) как одном из главнейших оснований государственного благосостояния и народного богатства... М., 1828. С. 37.
- ³⁵ Там же. С. 38.
- ³⁶ Неизвестно, был ли Булгаков знаком с экономическими экскурсиями Полевого. Не упоминается в лекциях Булгакова по истории экономических учений, читанных в Московском коммерческом институте, и Шторх.

Y. Toulupenko

**«THE SPIRIT OF ASSOCIATION».
ECLECTICISM IS A METHODOLOGICAL STANCE**

It argues that the benefits of combining genetically heterogeneous elements (such as doctrines, artistic images) always exceed the costs, i. e. the destruction of 'natural' semantic hierarchies. The role that eclecticism played in the history of economics remains largely unexplored. There have been criticisms of eclecticism on the part of economists, who traditionally value logical consistency, as well as some praise. Ethical and also methodological arguments in favour of eclecticism have been put forward. Especially recent 'postmodernist' tendencies have contributed to a degree of success of eclecticism in economics. Economic eclecticism was highly popular in the Romantic Age. There was a number of self-identified eclectics. Eclecticism was viewed as moderating the pretence of absolute theories of the Enlightenment. The 19th century economic eclecticism was largely influenced by the philosophy of Victor Cousin, but it was also part of the larger historicist tendencies of the time. Eclecticism was adopted by some Russian economists, especially by Nikolai Polevoi, who might be claimed to have originated the Russian eclectic 'school'.